

ЗРИТЕЛЬ НЕДОВОЛЕН

Вместо рецензии

В РЕДАКЦИЮ пришло письмо. Его автор писал о впечатлении, которое произвела на него одна из постановок Московского драматического театра им. Станиславского. Писал резко, возмущаясь, что «столь пошлую, грязную и совершенно ненужную» пьесу вытащили на сцену столичного театра: изумляясь, что «К. Еланская и С. Гнапштова согласились принять участие в подобном спектакле»; недоумевая, «почему главный режиссер театра М. Яншин не проявил должного художественного вкуса»...

Можно было подумать, что речь идет о пустейшей бульварной пьеске, невесть зачем переведенной и невесть как пресочившейся на сцену. На самом же деле в письме говорилось о «Доме Бернарды Альбы», последней пьесе Федерико Гарсиа Лорки, замечательного испанского поэта и драматурга, лавирует от руки фашистов, человека большого и чистого сердца, бывшего любовью к народу Испании.

«Горе народа переполняло его стих до краев», — сказал о Лорке Пабло Неруда. И именно о горе народа повествует «Дом Бернарды Альбы» — пьеса, где на примере, казалось бы, частном, казалось бы, узком драматург сумел раскрыть бесчеловечность самого уклада изображаемой им жизни, показать, как каким отвратительным и трагическим последствием приводит спесь, деспотизм и тупое провинциальное ханжество.

Создавая искусственную преграду между своим домом и остальным населением деревни, не желая породниться с бедняками, которые для нее «как скот», Бернарда превращает жизнь своих пяти дочерей в подобие тюремного существования. Вырваться из этой тюрьмы в маящийся, но недоступный мир можно только одним путем — выйти замуж. Потому-то на каждого мужчину, приближающегося к дому Бернарды, смотрят пять пар лихорадочно горящих глаз, в пяти сердцах рождается надежда не только на любовь, но главным образом на избавление. И пять сестер готовы вступить между собой в безобразную и жестокую борьбу...

Однако в пьесе — не только изображение их искалеченных душ, их искривленных характеров, не только демонстрация извращений человеческой психики: Лорка показывает, как в атмосфере тяжелого гнета Бернарды зреет протест, говорящий о том, что человеческое достоинство нельзя унижать безнаказанно, что силы, дремлющие в душе человека, дремлют в ней лишь во пары, а вырвавшись наружу, они ломают окопы, и человек поднимается во весь рост, вступая в открытую, гордую борьбу.

Такова борьба Адель — младшей дочери Бернарды, борьба, далекая, разумеется, от социального протеста, но уже заключающая в себе стихийное неприятие существующего порядка вещей; борьба за любовь, но тем самым и за право на свободу, на индивидуальность, на счастье. В Аделе, этой цельной, но обманливой натуре, живет негнбимый, гордый, упорный дух испанского народа, его стойкость. И именно вера драматурга в силу народного характера, боль и горячь, с которыми он говорит о судьбе женщины в глухом испанском селении, составляют объективную ценность пьесы, перевешивающую ее некоторый натурализм.

Почему же автор письма не удовольился в спектакле ни веры Гарсиа Лорки, ни его боли? Почему вынес такой безоговорочно резкий приго-

вор? Винават театр, решивший пьесу менее глубоко и остро, чем она позволяла.

Режиссер спектакля Анхель Гутьеррес избрал как будто бы верный путь, сконцентрировав внимание на Аделе, которую актриса Г. Рыжкова играет бескомпромиссной и внутренне сильной, играет порывисто и стремительно. Ее Адела — тонкая девушка с упрямыми глазами, в которых затаялась решимость. Она жадно всматривается и вслушивается в происходящее. Но какие бы мысли ни возникли в ее голове, какие бы чувства ни волновали ее душу, сквозит выражение надежды, страха или настороженности проглядывает именно решимость преодолеть все препятствия на пути к избранной цели.

Протест такой Адель мог бы прозвучать в спектакле как вызов, а ее гибель — как упрек примирившимся. Но, к сожалению, режиссер допустил явный промах, стусив мрачные краски в образах ее сестер, лишив их индивидуальности. Однородно безликие, в одинаковых черных платьях из-под траурных, черных платков мечут они быстрые косые взгляды, полные то негависти, то недоверия, то зависти, то злобной радости при виде чужих страданий.

В них не видишь жертв деспотизма Бернарды: они сами — зло, и только зло. Их судьба не пугает, не возмущает. Их характеры не оттеняют характера Адель, их покорность не подчеркивает ее бунта. Напротив, истеричные, злобные, они тянут и Адель в пучину глухой, мелкой женской борьбы. Из пьесы уходит значительность, утрачивается свой глубокий и горький смысл ее образы, а атмосфера надругательства над человеческой личностью превращается в атмосферу семейных драг, неприглядного соперничества обезумевших старых дев.

И еще один промах. Стремясь показать характеры именно испанские, режиссер пытается сделать это не через внутреннее постижение актрисами природы национального темперамента и не через глубокое раскрытие взаимоотношений действующих лиц пьесы, во многом определяемых именно национальными особенностями быта и характеров, а через подчеркнуто внешнее изображение страстей. Это огрубляет спектакль, приводит в него элементы откровенной мелодрамы.

И все-таки атмосфера Испании присутствует на сцене — ее вносят декорации художника Альберто Санчеса, в работе с которым режиссер сумел добиться успеха. Оформление спектакля и ощущение передает национальный колорит, а точно подчеркивает смысл происходящих в пьесе событий. Строгие белые стены комнат в доме Бернарды — стены тюрьмы — словно залиты нестерпимым солнцем Испании. На их фоне особенно четко вырисовываются темные фигуры женщин — фигуры узниц. Это скупость графики и ее выразительность.

А в последней картине, когда над внутренним двориком дома опрокидывается звездное небо, значительно и трагичное, — будто раздвигаются тесные пределы сцены, и гордая, мужественная страна, раскинувшаяся под этим небом, под этими звездами, возникает невольно в воображении.

И обидно, что театр не сумел захватить нас рассказом об этой стране, о горькой судьбе ее женщин, о негнбимой силе народного характера, не сумел донести волнение, гнев и веру Гарсиа Лорки. Обидно, что театр отпустил зрителя со спектакля неудовлетворенным, сердитым, готовым писать в редакцию взволнованное и резкое письмо.

Р. КРЕЧЕТОВА.

10.V.60.
Советский Суд